

УДК 111+929 Ницше

СТАНОВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ: НИЦШЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НИГИЛИЗМА

В. Г. Косыхин

Саратовский государственный университет
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья посвящена исследованию вопроса о ницшеанском понимании историчности становления этапов нигилизма. Автор рассматривает характерную для онтологического историзма Ницше и Хайдеггера тенденцию полагания сущности, являющей себя только в исторических этапах становления. Особое внимание уделяется сравнению герменевтики нигилистического становления в онтологическом дискурсе Хайдеггера и Деррида.

Ключевые слова: онтология, историзм, нигилизм, Ницше, становление, сущность.

Formation of the Essence: Nietzsche and the Ontological History of Nihilism

V. G. Kosykhin

The article deals with the investigation of the question of Nietzsche's understanding of historicity of the stages of nihilist formation. The author examines the tendency of the positioning of formation of the essence which is distinctive for Nietzsche's and Heidegger's ontological historicism. Special attention is devoted to comparison of the hermeneutics of nihilist formation in the ontological discourse of Heidegger and Derrida.

Key words: ontology, historicism, nihilism, Nietzsche, formation, essence.

Ницше стал первым мыслителем, исторически подошедшим к осмыслению феномена нигилизма, который до него ни Якоби, ни Ф. Достоевским, ни кем бы то ни было еще не понимался как историческое свершение, обладающее собственными этапами непрерывного возрастания и усиления. На этот историзм мышления Ницше в свое время обратил внимание и К. Ясперс, полагавший, что «ядро притязаний Ницше вопреки всем его разоблачениям губительного воздействия изолирующего самое себя исторического сознания, вопреки его позиции, с которой прошлое временами казалось ему лишь оковами, образует *страстная привязанность к истории*»¹.

Подобной страстной привязанности соответствует и исторический стиль мышления Ницше, в котором Ясперс выделяет три аспекта: 1) созерцание исторической действительности, в котором происходит постановка вопроса о причинных связях и сущностных характеристиках этой действительности; 2) размышление над действительностью исторического сознания, в котором предметом особого внимания оказываются мотивы, формы и следствия исторической

памяти; 3) проникновение в суть современной исторической эпохи, в чем, собственно, и состоит главная цель исторического мышления Ницше.

Свое обсуждение ницшеанского историзма Ясперс заканчивает достаточно интересным выводом о том, что «хотя, в отличие от предшествовавшей ему христианской и гегелевской философии истории и их производных, Ницше не может исходя из знания мировой истории в целом определить место, в котором мы пребываем, он, тем не менее, фактически вдохновлен тем же пафосом тотальности исторического сознания, какой был присущ им»².

Тотальная историчность ницшеанского мышления, по-своему ни в чем не уступающая историчности гегелевской, отчетливо прослеживается в самом способе, каким Ницше истолковывает нигилизм. Здесь можно говорить об исторически понятой онтологической сущности этого феномена и о проявлениях сущности нигилизма в смене его разнообразных исторических форм. Разберем эти два момента, касающихся сущности и проявлений онтологического нигилизма в ницшеанской перспективе, подробнее, отметив в качестве сопутствующего примечания, что различие между ними в принципе соответствует введенному Хайдеггером различию между *Geschichte* и *Historie*, где первое обозначает «потаенную историю» какого-либо феномена, собственно историю онтологическую, а второе – видимые внешние формы и проявления «потаенной истории»³. Естественно, что потаенность этой истории требует для своего раскрытия не историографического, но метафизического, а по Хайдеггеру, и принципиально онтологического подхода, так как в качестве потаенной выступает история бытия и его истины.

В седьмой главе своего фундаментального труда о философии Ницше, имеющей характерное название «Бытийно-историческое определение нигилизма», М. Хайдеггер, указывая на онтологический и исторический характер сущности нигилизма, говорит: «Там, где сущее объявляется ничем, можно обнаружить нигилизм, но нельзя напасть на его *сущность*, которая только там появляется впервые, где nihil касается самого бытия. Сущность нигилизма есть история, в которой само бытие ввергается в ничто»⁴. Тем самым становится очевидным, что для Хайдеггера раз-

говор о какой-либо вне-исторической сущности нигилизма вообще лишен смысла, поскольку сама эта сущность онто-исторична, т. е. принадлежит *Geschichte* как «потопленной истории» бытия. Более того, для Хайдеггера «нигилизм есть история. Здесь мы имеем в виду не только мысль о том, что называемое нами нигилизмом “имеет” некую “историю”, поскольку его можно проследить исторически в его хронологическом развитии. Нигилизм *есть* история. Ницше считает, что нигилизм является сущностью западноевропейской истории <...> Нигилизм определяет саму историчность этой истории, и поэтому для понимания его сущности не так уж важно рассказывать его историю, приходящуюся на те или иные века, и описывать его форму <...> Поэтому понимание сущности нигилизма заключается не в ознакомлении с какими-либо явлениями, которые с исторической точки зрения можно представить как нигилистические: это понимание заключается в осмыслении соответствующих шагов, промежуточных ступеней и промежуточных состояний»⁵.

Мы привели здесь столь обширную цитату из Хайдеггера из-за ее крайней важности для понимания того, что означают онто-исторически интерпретируемые сущность и явление. Они имеют весьма мало общего как с *quidditas* Аристотеля, так и с диалектической трактовкой сущности и явления в духе Гегеля. Именно поэтому сущность нигилизма в ницшевском понимании следует искать не на страницах «Воли к власти», где дана диагностика нигилизма как феномена и описание его исторических форм, но там, где Ницше пытается выявить эту сущность в онтологическом смысле, демонстрируя поэтапное онто-историческое «ввержение бытия в ничто».

Поняту так искомую сущность нигилизма в истолковании Ницше, со всеми ее шагами и промежуточными ступенями, мы обнаруживаем в небольшом фрагменте из книги «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», написанной в августе 1888 г., то есть относящейся к самому позднему периоду ницшеанского творчества. Косвенным подтверждением нашей позиции по данному вопросу служит и тот факт, что летом 1886 г. в самом первом плане посвященного европейскому нигилизму сочинения «Воля к власти» четвертая, заключительная книга называлась «Вечное возвращение как молот». Впоследствии она реализовалась в виде отдельного произведения и не вошла в издание Ферстер-Ницше. Приведем этот набросок плана Ницше полностью:

«Нигилизм: гибель всеобщей тяги к почитанию (то есть моральному) нет новых интерпретирующих сил.

К истории ценностей.

Воля к власти и ее метаморфозы.

Вечное возвращение как молот»⁶.

Сразу же вслед за этим в дневниках Ницше

идет запись, излагающая 16 сущностных тезисов о европейском нигилизме, где тезис № 6 напрямую связывает нигилизм с онтологически интерпретируемым «вечным возвращением»: «Представим себе эту мысль в ее самой ужасной форме: бытие как оно есть, без смысла и цели, но неуклонно приходящее вновь, без концовки – превращения в ничто: “вечное возвращение”. Вот она, наиболее радикальная форма нигилизма: ничто (“бессмыслица”) на веки вечные!»⁷.

Постулируемая в данном отрывке наиболее радикальная форма нигилизма – нигилизм онтологический – будет в развернутом виде представлена Ницше во фрагменте из отдельно изданной книги «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом». Фрагмент, о котором идет речь, озаглавлен «Как “истинный мир” наконец стал басней. История одного заблуждения». В нем онто-историческая сущность нигилизма представлена в виде шести последовательных шагов, или этапов, каждый из которых описывает все более усиливающееся нигилистическое состояние в понимании истины бытия.

Первый этап описывается Ницше как «истинный мир, достижимый для мудреца, для благочестивого, для добродетельного, – он живет в нем, *он есть этот мир*.

(Старейшая форма идеи, относительно умная, простая, убедительная. Перифраза положения: “я, Платон, *есль* истина”)⁸.

Итак, точкой отсчета здесь выбран «истинный мир», в котором истина, соединенная с добродетелью, представляется не только достижимой, но и допускающей пребывание в ней. В определенном смысле здесь можно усмотреть даже своего рода место обитания истины бытия, из которого, собственно, в дальнейшем нигилизм, этот «самый жуткий из всех гостей», как выразится о нем Ницше уже в самом начале «Воли к власти»⁹, начнет свое движение. Русский перевод «жуткий» для слова *unheimlich* в оригинале («*unheimlichste aller Gäste*») охватывает лишь одно из значений данного понятия, отсылающего также к бездомности и неприютности, к тому, что противоположно дому, служащему убежищем (*Heim*). То есть движение из этого пункта и обозначило вектор нигилизма – движение в нигилистическую неприютность, где «истинный мир» уже не может найти себе места.

Хайдеггер в своем комментарии к этому отрывку из Ницше, опираясь на упоминание в ницшевском тексте Платона, полагает, что здесь имеется в виду истолкование бытия через осмысление идей как его сверхчувственной сущности¹⁰. При этом «истинный мир» существует самостоятельно, вне зависимости от интерпретации: «“Истинный мир” – не предмет учения, а сила вот-бытия, сверкающее присутствующее, чистое, ничем не окутанное сияние»¹¹.

Соглашаясь с тем онтологическим содержанием, которое хайдеггеровская трактовка вносит в понятие «истинного мира», отметим, однако, что для Ницше «истинность» этого мира сомнительна. На это указывают кавычки, заключающие понятие «истинного мира». С точки зрения Ницше, «истинность платонизма» является, по сути дела, отправным пунктом движения нигилизма, отрицающего жизненную силу и ценности этого мира в пользу «истины» сверхчувственного, другого мира, который обладает вечным и неизменным божественным бытием. Этот процесс усиливается на втором этапе.

«2. Истинный мир, недостижимый нынче, но обетованный для мудреца, для благочестивого, для добродетельного (“для грешника, который кается”).

(Прогресс идеи: она становится тоньше, запутаннее, непостижимее, – она становится женщиной, она становится христианской...)»¹².

Здесь перед нами первый этап выхода «истинного мира» в нигилистическую бесприютность. На этом этапе он становится «недостижимым». Недостижимость его объясняется Хайдеггером тем обстоятельством, что «сверхчувственное больше не находится в сфере человеческого вот-бытия, оно не присуще ему и его чувственному: все человеческое существование становится посюсторонним, поскольку сверхчувственное истолковывается как потустороннее. Теперь истинный мир тем истиннее, чем сильнее он вырывается из посюстороннего и уносится прочь от него»¹³. Этот разрыв между мирами, отдаление истинного мира за пределы земного бытия фиксируются в религиозной метафизике христианства, где истинный мир уже является не предметом знания мудреца, но лишь предметом веры. По сути дела, это означает начало эпохи нигилистического изгнания «истинного мира» философии.

Как комментирует этот фрагмент Ж. Деррида, «вторая эпоха, эпоха становления женщиной идеи как присутствия или как выхода на сцену истины, – это, стало быть, момент, когда Платон не может уже сказать “я емь истина”, когда философ не есть уже истина, отделяясь от нее и от самого себя, он ищет ее лишь по оставленным ею следам, отправляется в изгнание или же сам отправляет в изгнание идею. Тогда начинается история, начинаются истории»¹⁴.

Естественно, что здесь имеется в виду не начало истории как историографии (Historie), но именно начало сущностной истории бытия и истины (Geschichte), истории забвения или покидания «истинного мира» по Ницше или истории забвения бытия по Хайдеггеру. Фактически здесь начинается онто-историческое понимание сущности нигилистического движения «из центра в Икс».

Впрочем, и для Ницше, и для Хайдеггера этот «центр» не был действительным центром, поскольку «истинный мир» платонизма для обоих немецких мыслителей являлся лишь формой заблуждения относительно истины и бытия, т. е. «истинным» он являлся только как начальный пункт нигилистической шкалы отсчета. Отсюда проистекает весьма важное следствие: онтологический нигилизм с онто-исторической точки зрения проявляется не как углубление разрыва с истиной, ибо нигилизм не имеет к ней вообще никакого отношения, но как история все сильнее углубляющегося заблуждения относительно бытия и его истины. Мы полагаем, что в этом плане Хайдеггер оказывается в гораздо большей степени ницшеанцем, чем он когда-либо был склонен признавать.

«3. Истинный мир, недостижимый, недоказуемый, немогущий быть обетованным, но уже как мыслимый, утешение, долг, императив.

(Старое солнце, в сущности, но светящее сквозь туман и скепсис: идея, ставшая возвышенной, бледной, северной, кенигсбергской)»¹⁵.

Перед нами третий шаг нигилизма или упадка идеализма. Его иллюстрирует для Ницше кантовская философия, подобно тому как, с точки зрения Хайдеггера, этим шагом станет рационализм Декарта. Если на втором, «христианском» этапе истинный мир достигался не в этой жизни, но в принципе как мир «обетованный», то в кантовском трансцендентальном идеализме он становится своего рода вещью самой по себе, доказать существование которой разум уже не в силах. Отсюда смещение направления взгляда мудреца: от «истинного мира» к истинным условиям его познаваемости и императиву морального должностования, когда «истинный мир» постулируется практическим разумом. Однако при этом сама возможность существования «истинного мира» еще не отрицается.

Плавное нигилистическое соскальзывание «в Икс» сменяется резким нигилистическим рывком на четвертом этапе, где этот «Икс» проявляется вполне отчетливо.

«4. Истинный мир – недостижимый? Во всяком случае недостижимый. И как недостижимый, также *неведомый*. Следовательно, также не утешающий, не спасающий, не обязывающий: к чему может обязывать нас нечто неведомое?..

(Серое утро. Первое позевывание разума. Петуший крик позитивизма)»¹⁶.

Позитивизм уже ничего не знает о том «истинном мире», который вдохновлял мыслителей-метафизиков. Он не хочет ничего знать также и о самой метафизике, которая объявляется излишней. Тем самым история истины приходит к своему концу, превращаясь в «Икс», в нигилистическое неизвестное. На переломный характер этого этапа указывают слова Ницше о

«первом позевывании разума», становящегося из необязательно метафизического метафизически необязательным в том смысле, что он уже не чувствует никакой обязывающей, хотя бы в виде кантовского морального постулата, необходимости в существовании «истинного мира».

«5. “Истинный мир” – идея, ни к чему больше не нужная, даже более не обязывающая, – ставшая бесполезной, ставшая лишней идея, *следовательно*, опровергнутая идея – упраздним ее!

(Светлый день; завтрак; возвращение bon sens и веселости; краска стыда Платона; дявольский шум всех свободных умов)»¹⁷.

В своем комментарии этого пятого этапа шествия нигилизма Хайдеггер отмечает, что впервые выражение «истинный мир» Ницше употребляет в этом месте в кавычках (если, конечно, не считать кавычек в заглавии всего фрагмента из «Сумерек идолов»). Хайдеггер пишет: «“Истинный мир” упраздняется, но обратим внимание на причину: потому что он стал бесполезным, лишним <...> Платонизм преодолен, поскольку сверхчувственный мир как истинный упразднен, но зато остается чувственный мир, находящийся во власти позитивизма»¹⁸. На данной ступени начинается открытое, уже ничем не замаскированное пришествие нигилизма, он становится «естественным» состоянием бесприютности (Unheimlichkeit) истины вследствие полной утраты «истинного мира» в качестве места ее обитания. Но и это еще не последний этап.

«6. Мы упразднили истинный мир – какой мир остался? быть может, кажущийся?... Но нет! *вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!*

(Полдень; мгновение самой короткой тени; конец самого долгого заблуждения; кульминационный пункт человечества; INCIPIT ZARATHUSTRA)»¹⁹.

Итак, перед нами – «кульминационный пункт», завершение поэтапного выдвижения истины бытия в нигилистическую бесприютность. Здесь мы обнаруживаем двойное отсутствие – как истинного мира, так и кажущегося. Однако нигилистическое сведение как истинного, так и кажущегося к ничто высвобождает место для нового утверждения ценностей, что для Ницше означает наступление эпохи Заратустры с ее сверхчеловеческой волей к чеканке новых, преодолевающих нигилизм ценностей. Хайдеггер комментирует: «Что происходит, когда вместе с истинным миром упраздняется и кажущийся? “Истинный мир”, сверхчувственное, и кажущийся мир, чувственное, вместе составляют то, что противостоит чистому ничто. Когда оба мира упраздняются, то тогда все низвергается в пустое ничто. Ницше не может этого допустить, ибо он стремится к преодолению нигилизма в любой форме»²⁰.

Ницшеанское преодоление нигилизма видится Хайдеггеру в выстраивании новой иерархии, основанной не на отвержении чувственного и сверхчувственного, а на принятии чувственного и нечувственного, ибо сверхчувственный истинный мир как изначально ложную идею Ницше считает нужным упразднить окончательно. Фактически все шесть перечисленных стадий являлись формами распада платонизма, и преодоление нигилизма Ницше, а вслед за ним и Хайдеггер будут видеть в «переворачивании» (Umdrehung) и преодолении платонизма, соответственно, понимаемого достаточно широко – как господство сферы сверхчувственного (Ницше) или в качестве построенной на мышлении о сущем господствующей традиции метафизики (Хайдеггер).

Подводя итог своему рассмотрению данных шести этапов нигилистического нисхождения «истинного мира», Хайдеггер задается весьма важным вопросом о том, насколько широко и глубоко происходит «переворачивание платонизма» в философии Ницше, стремящегося к преобразованию платоновской иерархической схемы²¹.

Как отмечает Ж. Деррида, «Хайдеггер, таким образом, прослеживает действие Ницше до той точки, где оно выходит за пределы метафизики и платонизма. Но не для того ли только (здесь, по крайней мере), чтобы задать вопрос, оформленный все еще герменевтикой и, следовательно, тем философским строем, которое подобное действие призвано *рас-строить*: удалось ли Ницше то, что он действительно задумал, и “до какой степени” он действительно преодолел платонизм? Хайдеггер называет это “критическим вопросом” (Fragen der Kritik), который должен направляться “пере-продумыванием самой сокровенной мыслительной воли Ницше”, ее самого глубинного смысла»²².

С нашей точки зрения, «критическим вопросом» здесь является не столько вопрос о том, удалось ли Ницше, а вслед за ним и Хайдеггеру «преодолеть платонизм», сколько проблема понимания этими мыслителями самого платонизма. По крайней мере, работы А. Ф. Лосева и других исследователей платонизма у нас и за рубежом по восстановлению не искаженной позднейшими интерпретациями традиции платонизма заставляют задуматься над тем, не являлся ли тот «платонизм», о котором говорили Ницше и Хайдеггер, следствием нигилистического истолкования философии Платона в эпоху Нового времени.

Оставляя этот вопрос открытым, сформулируем выводы, к которым мы пришли относительно онто-исторического способа рассмотрения нигилизма. Этот способ особым образом полагает и даже предполагает наличие связанных между собой онто-исторических сущности и явления исследуемого феномена. В отличие от традиционного понимания сущности при данном способе

рассмотрения она не полагается изначально, а прослеживается через последовательные онто-исторические этапы, т. е. обладает подвижной онто-исторической структурой. Рассмотрим это на примере ницшеанского и хайдеггеровского описания вышеупомянутых шести этапов сущностной истории (Geschichte) онтологического нигилизма. Вот что говорит сам Хайдеггер о специфике данного подхода: «Описание всех шести этапов <...> задумано таким образом, что “истинный мир” <...> каждый раз соотносится с определенным видом человека, который относится к этому миру. Поэтому “перевертывание” платонизма и, в конце концов, выход из него изменяют самого человека <...> Под “сверхчеловеком” Ницше подразумевает не какое-то чудесное сказочное существо, но человека, который превосходит прежнего. Однако прежний человек есть тот, существование которого и его отношение к бытию определяется платонизмом в какой-либо форме или смещением нескольких форм»²³.

Иными словами, для постижения сущности «сверхчеловека» нам необходимо знание «прежнего человека», отношение которого к бытию опять же определяется одной из онто-исторических форм платонизма. Таким образом, создается подвижная структура сущности, где «конец как конец становится виден только из начала. Или наоборот»²⁴. То же самое касается и сущности онтологического нигилизма, выявляющей себя при онто-историческом подходе только в единстве целостного усмотрения и последовательного анализа этапов исторического оформления этой сущности.

УДК 316.35:1

ФЕНОМЕН КРЕАТИВНОГО КЛАССА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

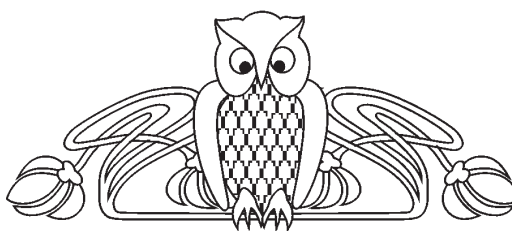
Б. С. Клементьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Boris-1@td.ru

В статье рассматривается феномен появления креативного класса, формирование которого приводит к трансформации структуры общества. Представители нового класса рассматриваются с социальных, экономических, личностных и профессиональных позиций. Происходит формирование понятия «креативность», которое воспроизводит отличную от традиционного форму мышления, что дает возможность повышения уровня инновационного развития общества. Проводится сравнение традиционного и креативного типа сообществ, рассматриваются их положительные и отрицательные черты; креативный класс анализируется в поле отечественного социального пространства.

Примечания

- ¹ Ясперс К. Ницше : Введение в понимание его философии. СПб., 2004. С. 344.
- ² Там же. С. 334.
- ³ См.: Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. : пер. с нем. СПб., 2007. Т. 2. С. 21–23.
- ⁴ Там же. С. 297.
- ⁵ Там же. С. 79–80.
- ⁶ Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 2005. Т. 12. С. 193.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 572.
- ⁹ См.: Ницше Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 29.
- ¹⁰ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. Т. 1. С. 204–205.
- ¹¹ Там же. С. 205.
- ¹² Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁴ Деррида Ж. Шпоры : стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 136.
- ¹⁵ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁹ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 210.
- ²¹ Там же. С. 210–211.
- ²² Деррида Ж. Указ. соч. С. 134.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 209.
- ²⁴ Там же.

Ключевые слова: креативный класс, социальное пространство, инновации, традиции, социальный капитал, креативный капитал.

The Phenomenon of the «Creative Class» in the Social Space

B. S. Klementyev

Article discusses the phenomenon of the «creative class», which formation leads to a transformation in the structure of society. Representatives of the new class are considered from the social,